

Воинский гарнизон был маленьким, и весть о том, что в одну из воинских частей прибыл служить новоиспеченный лейтенант с красавицей женой, вскоре облетела всех жителей поселка. Слух дошел и до жены начальника гарнизона, весьма любопытной особы, осуществляющей покровительство молодым офицерским семьям по линии женсовета.

— Что же ты не делишься со мной новостью? — толкнула в бок мужа любопытная супруга, когда они улеглись в кровать, и он развернул газету.

— Ты это о чем? — брови у мужа обозначились выгнутыми запятыми, хотя он уже догадался о сути предстоящего разговора.

— Не притворяйся. Ты прекрасно понимаешь, о ком идет речь.

— Так это ты про Загорских?

— А что, в наш гарнизон еще кто-то прибыл?

— Гм... Ну, и чего ты от них хочешь?

— Ты, наверное, забыл, что твоя жена — председатель женсовета. Надо же помочь молодым людям быстрее вратиться в нашу обстановку?

— И что же ты предлагаешь?

— Пригласи их к нам на ужин в субботу.

— Я попрошу его, чтобы он направил свою жену к тебе в женсовет, ну а там, по-моему, вам нетрудно будет договориться, — ответил муж.

Лейтенант оказался педантом. Точно в 19—00 он позвонил в дверь квартиры начальника.

— Товарищ капитан второго ранга! Лейтенант Загорский с супругой, — начал было докладывать офицер, но хозяин дома улыбнулся и опустил его руку, прижатую к козырьку фуражки.

— Полноте, лейтенант. Вы не на службе. Здесь я начальник, — приветливо улыбнулась гостям дородная Мария Ефимовна, отодвигая в сторону улыбающегося супруга.

— Вне строя я только Николай Иванович, — поддержал жену хозяин дома.

— Виктор, — представился лейтенант, — а это моя Людмила.

Домашние с интересом поглядывали на гостей. Высокий, голубоглазый лейтенант с ежиком волос на голове выглядел молодцеватым, подтянутым, розовощеким юношей. Его Людмила же являла собой полную противоположность. В свои восемнадцать она уже выглядела настоящей дамой. С копной пышных каштановых волос, узко очерченными миндалевидными глазами, осиной талией и китайской ножкой почти тридцать пятого размера при росте в сто семьдесят пять она казалась самой Шехерезадой, сошедшей со страницы арабской сказки.

Познакомившись, хозяйка дома стала представлять гостям своих детей.

— Это Лариска. Наша старшая, — мать подтолкнула к гостям смутившуюся тринадцатилетнюю дочь. Узкобедрая, худенькая, с короткими косичками, круглым личиком и острым носиком шаловливого Буратино, девочка явно не относилась к эталону красоты.

— Это наш «Гадкий утенок», — начал было отец.

— Пап! Ты опять?! — обидчиво воскликнула дочь.

— Ну ладно, ладно. Пока — гадкий, но потом, все знают, утенок превратился в прекрасного лебедя.

... За столом было шумно и весело. Хозяин сыпал анекдотами, которые после ухода дочерей

ко сну, становились все более откровенными. Гости смущенно улыбались, а Мария Ефимовна нарочито сердито стучала кулачком по спине мужа.

За полночь гости стали прощаться. Провожая их до двери, хозяин, словно невзначай, положил ладонь на талию Людмилы, а та тут же прижала ее локтем.

«А она сообразительная девочка», — смекнул офицер и пожелал гостям спокойной ночи.

Ночью благополучному семейству снились разные сны. Мария Ефимовна, чмокая губами, доедала аппетитный торт, муж принимал парад войск своего гарнизона, причем командовала парадом и отдавала ему рапорт вчерашняя красавица — гостья в форме капитана, а Лариске снился бравый лейтенант, с которым она лежала на пляже, купаясь в лучах нежного солнца.

— Ты любишь меня? — наклонилась она к юноше.

— Угу, — ответил тот, закуривая сигарету.

— Не угу, а да, — хлопнула она его ладошкой по спине и засмеялась, увидев, как он вздрогнул.

— Нет. Ты не любишь меня, трусишка. Ты слишком боишься своей мегеры, — насупилась она и сбросила его руку со своего плеча. Но он повернул ее к себе, запустил одну руку в ее трусики, а другой крепко, за шею, прижимал к себе. Она чувствовала, как его рука хозяйничает у нее между ног. Вот его палец проехал по ее щелке, затем замер у самого входа, потом слегка вошел в нее, нащупывая клитор. Она страстно задышала ему в лицо, но его глаза и губы оставались неподвижны. И только тогда, когда он сильнее нажал на ее клитор, и она полностью раскрыла ножки, пропуская его толстый и длинный член в — Погоди, — шептала она, — ты не сможешь войти в меня. У меня еще такая маленькая дырочка. Я сама помогу тебе, милый, — она целовала его и в то же время своей маленькой нежной ручкой направляла его член в нужном направлении, пока он полностью не вошел в нее. Она впервые в жизни испытала это необыкновенное чувство совокупления. Она была счастлива. Она любила его и владела его телом.

— Поехали, — сказала она, подсакивая на этом молодом и красивом теле. Но что это? Она стала пристально всматриваться вдаль, но там была только одинокая чайка.

И тут она увидела в конце пляжа знакомую фигуру. К ним приближалась ослепительной красоты женщина в модном мини-бикини.

— Да это же твоя Людмила! — вскочила на ноги Лариска.

— Где? — он повернулся и вдруг, сжавшись в комок, стал быстро уменьшаться, пока не превратился в маленького краба, быстро, бочком, бежавшего к воде. А женщина все росла и росла, пока не превратилась в великаншу.

— Это ты, подлая, отбиваешь у меня мужа?! — раздался громopodobный голос, и великанша подняла огромную ступню. Лариска отскочила в сторону, но ступня была рядом, вот она приподнялась и...

— А-а-а! — закричала девочка и бухнулась с кровати на пол. Она открыла глаза. В комнате горел свет, перед ней стояли испуганные родители.

— Что с тобой, доченька? — встревожено спросила мать.

— Сон страшный приснился...

— Ложись, спи, — поднял ее на руки отец и уложил в кровать.

Утром на службе начальник гарнизона окинул задумчивым взглядом пожилую секретаршу и вдруг спросил:

— Вам не надоела вся эта карусель?

— Что? — не поняла седоватая женщина, устремив на начальника уставшие, печальные глаза.

— Все это, — сделал тот неопределенный жест.

— А вы можете предложить нечто другое?

— Могу. В библиотеке дома офицеров освободилось место заведующей. Там спокойнее, оклад повыше, да и работа, прямо скажем, не пыльная.

— Вы серьезно, Николай Иванович?

— Серьезнее не бывает. Вы же библиотечный заканчивали. Вот вам и карты в руки...

На следующий день пожилая женщина уже была на новой работе, любовно рассматривая и поглаживая милые ее сердцу книги, а начальник гарнизона тут же по — звонил в часть Виктору:

— Слушай, Виктор — победитель. У меня освободилось место секретарши. Работа не пыльная. У твоей половины как дела с компьютером?

— Знает в совершенстве...

— Вот и ладушки. Завтра жду с трудовой книжкой...

На следующий день в приемной начальника гарнизона появилась необыкновенная секретарша. Все, кто пытались прорваться к начальнику, разбивались о ее неприступную грудь, словно волны о скалы утеса. Вырез в ее кофточке, через который каждый мог наблюдать, как дышит это необыкновенное существо, был просто умопомрачительным, а когда она выходила из-за стола, то никто не мог понять, как она умудрялась прятать свое «сокровище» под такой мини-юбкой. Мужская часть посетителей, при виде секретарши, облизывалась, как коты, съевшие сметану, женская — по — змеиному шипела, но шеф был в восторге, то и дело приглашая ее в свой кабинет. Она вставала из-за стола и, покачивая бедрами, словно торт на блюде, несла свое красивое тело на обозрение начальнику.

Людмила явно упивалась положением секретарши у самого большого чина в гарнизоне, милостиво принимала шоколадки от посетителей, но от особо приближенных к начальнику лиц — даже поцелуйчики в шейку.

А в это время бедная Лариска после ее первой встречи с Загорскими и того сладкого и страшного сна никак не могла забыть своего brave лейтенанта. Она отлично рисовала, и вскоре на многих страницах ее альбома красовалось его лицо в разных ракурсах, награжденное романтическими и мужественными чертами.

... Шли дни, и однажды на выставке школьного рисунка в доме офицеров поселка появилась картина, на которой был запечатлен лейтенант Загорский на мостике своего малого противолодочного корабля. Его внимательный взгляд был устремлен в голубую даль, а над ним, на фоне облагороженного закатом неба висела одинокая чайка, в коей угадывалась мятущаяся душа молодой художницы. Картина была признана лучшей, и художница получила свой первый приз.

... Прошло несколько лет. Однажды начальник гарнизона позвонил начальнику Виктора, и вроде бы советуясь с ним, спросил:

— Иван Николаевич. Есть вводная. Пришла разнарядка на офицеров, отправляемых в командировку за молодым пополнением. От тебя выделяется один офицер. Кого бы ты порекомендовал?

— Гм... , — замялся комбриг. — У меня все офицеры нарасхват. Впрочем, корабль Загорского в ремонте. Можно его послать...

— Хорошая кандидатура. Уверен, что он с поставленной задачей справится успешно.

Вскоре Загорский в составе группы офицеров убыл в командировку. Но случилось так, что свою задачу старательный капитан-лейтенант выполнил досрочно, и на сутки раньше прибыл в гарнизон. Ночь была темной, хоть глаза выколи. Виктор решил сделать сюрприз своей любимой жене, и тайком проник в квартиру. Тихо разделся в прихожей и на цыпочках подошел к приоткрытой двери спальни, откуда струился нежный свет ночника.

«Не спит, моя голубка. Читает. Ждет...» — подумал Виктор и заглянул в щель. Он тут же отшатнулся, не поняв того, что увидел. Еще раз глянул и остолбенел. На их любимом супружеском ложе, на спине, с широко расставленными ногами лежала его «Голубка», а между ее очаровательными ножками бойко скакали черноволосы ягодицы, и чей-то большой белый «кий» энергично забивал бесчисленные «шары» в ее гостеприимно подставленную «лузу».

— Давай! Жми! Дери меня, мой милый! — стонала жена и при каждом ударе приподнимала ноги, на что ягодицы ответили увеличением темпа, тут же перейдя в отчаянный, жесткий галоп. Жена визжала так, словно ее режут, покрывая лицо любовника страстными поцелуями, а прекрасные руки женщины с такой силой вцепились в спину партнера, что, казалось, их может оторвать друг от друга только Геркулес. Из-под впившихся в тело мужчины ногтей женщины проглядывались небольшие подтеки крови.

Перед глазами Виктора поплыли малиновые круги, в голове все помутилось, он, словно вихорь, ворвался в спальню и вцепился в пятку «работающего» мужика.

— Ты что делаешь, гад?! — заорал Загорский.

— Пошел прочь, щенок! — ответила «пятка» и так саданула его в лоб, что он отлетел к двери, ударился затылком и рухнул на пол, потеряв сознание.

... Через две недели Загорский выписался из госпиталя, но он не вернулся домой, поселился на своем корабле, и с головой ушел в работу. Жена каждый день приходила к нему, плакала, просила прощения, объясняя свою вину чрезмерным послушанием начальству и своей женской слабостью.

После этого случая служебные дороги капитан-лейтенанта Загорского и бывшего начальника гарнизона вскоре разошлись. Загорский слишком любил свою грешную жену, и, когда муки ревности перегорели в его душе, простил ей все, и они решили забыть об этом случае навсегда.

... Прошло много лет, и теперь уже капитан первого ранга Загорский завершал свою военную службу в прекрасном южном городе у самого синего моря. Легкая седина на висках еще не старила сорокадевятилетнего офицера. И его жена была еще в отличной форме, на что нередко обращали внимание мужчины, завистливо поглядывая в след сорокапятилетней женщины. Но, Загорские находились теперь в том возрасте, когда совместная жизнь им уже порядком надоела, дети разбежались по своим семейным углам, а их родителям до чертиков захотелось пожить только для себя. Людмила работала в одной из солидных коммерческих фирм, и ее нередко видели выходящей из красавца «Мерса», останавливающегося неподалеку от ее дома. Поговаривали, что сам хозяин фирмы был влюблен в свою секретаршу. Он частенько задерживал ее на работе, нередко возил с собой в длительные заграничные командировки.

Однажды, прогуливаясь по Приморскому бульвару, Загорские заинтересовались работами местных художников, выставленных на одной из аллеек. И тут Виктор обратил внимание на одну из них. На картине молодой лейтенант всматривался в морскую даль с мостика корабля,

а над ним парила одинокая чайка.

«Стоп. Эту я уже где-то видел», — попытался вспомнить офицер.

— Ты не видела ее раньше? — обратился он к жене, указав на картину.

— Вроде бы видела когда-то. По-моему, та мазня называлась «Первая вахта», — ответила жена.

— Вы правы. Она и сейчас так называется, — раздался голос сзади.

— А вы откуда знаете? — не поворачиваясь, спросил офицер.

— Я автор этой картины...

Загорский повернулся и обомлел. Перед ним стояла высокая, стройная, молодая, женщина с голубыми глазами, в которых, казалось, можно было утонуть. Соломенного цвета волосы, обрамлявшие ее слегка продолговатое лицо, пышными волнами рассыпались по плечам и спине.

— Бог мой! Неужели это вы, Лариса! — бросился к ней офицер.

— А я вас сразу узнала, Виктор Николаевич. Вы почти не изменились, — протянула она маленькую ладонь.

«Да. Права была сказка о «Гадком утенке». Теперь она превратилась в «Прекрасного лебедя», — подумал офицер, нежно целуя руку женщины.

— А-а-а, старые знакомые? Сейчас начнется вечер воспоминаний. Я оставлю вас на некоторое время: мне нужно прогуляться до театра, а вы посидите здесь. Как я поняла, у вас есть общая тема для разговора, — фыркнула Людмила и величаво удалилась.

Они уселись на скамейку, и их вопросам не было конца. Оказалось, что ее отец уже давно завершил службу, и нынешний контр-адмирал в отставке коротает досуг на загородной даче. Мария Ефимовна все такая же бойкая хохотушка, младшая сестра выскочила замуж за дипломата, и вместе с ним живет в Америке.

— А вы как устроились? — спросил Виктор.

— Да, никак. Все чего-то жду...

— И чего?

— Похоже, что у моря погоды...

— Но, как я вижу, в этом вы неплохо преуспели? — указал он на картину.

— Это далеко не все, — уклончиво ответила она.

— А можно посмотреть остальное? — он просительно посмотрел прямо в ее бездонные глаза.

— Конечно. У нас в студии наши работы может посмотреть каждый...

Вскоре появилась Людмила и, ревниво передернув плечами, прервала их беседу.

Загорские ушли, а молодая художница все продолжала смотреть им вслед. У нее было такое ощущение, что она только что нашла что-то очень дорогое и тут же его потеряла. Она испугалась, что больше никогда не увидит его. Но каково было ее удивление и радость, когда на следующий день Виктор Николаевич появился в ее студии.

— Здравствуйте, Лариса! Вот я и пришел...

... Они ходили по залу, и она показывала ему свои работы, а сама искоса следила за выражением его лица.

— Но я тут не вижу ту, самую первую вашу картину, которая висела в нашем Доме офицеров, — сказал он.

— Она дома. Это слишком личное, чтобы выставлять ее напоказ, — тихо ответила художница.

— Значит, я никогда ее не увижу?

— Ну почему же. Мой дом не закрыт для старых друзей...

— Но ваш муж...

— У меня никогда его не было...

Виктор Николаевич смущенно кашлянул в кулак.

Она жила неподалеку. Двухкомнатная квартирка была со вкусом обставлена. Но больше всего его поразило то, что стены были завешаны разного размера картинами и рисунками, на большинстве которых был изображен романтического вида молодой офицер, в котором нетрудно было узнать Загорского.

Виктор подошел к женщине, положил ладони на ее плечи, повернул к себе и пристально посмотрел прямо в глаза.

— Боже! Неужели все эти годы ты продолжала любить меня? — срывающимся голосом спросил он.

Загорский притянул ее к себе и коснулся губами ее подрагивающих губ. Она не отстранилась, только пыталась ладошкой унять бежавшие по щекам слезы...

... Он осыпал ее голое тело жгучими, похожими на укусы, поцелуями, а она, прижимая к груди его вспотевшую голову, все ниже перемещала ее по своему вздрагивающему телу, пока его губы не вошли в ее тело в самом низу. Она чувствовала, как язык лижет, а губы так сосут ее там, словно хотят выпить ее всю, без остатка. Она не выдержала столь сладкой и жгучей муки и ударила прямо в его рот тем, чего тот так страстно желал.

В ее беспокойной душе, ране тихое, нежное, романтическое чувство к нему вдруг переросло в дикое, необузданное желание овладеть этим мужчиной, которого она так горячо любила и все эти годы безнадежно ждала. Она вдруг вывернулась из-под него, опрокинула его на спину, впилась зубами в его восставший орган. Она почувствовала, как в ней, культурной и образованной женщине, наделенной музой искусства, рядом шевельнулось что-то другое, жгучее, и не понятное, но такое желанное чувство самки, о котором она даже и не подозревала.

— Тише! Не то откусишь! — едва успел вымолвить он, освобождая своего «мальчика» от ее цепких зубок, как она тут же наделась на него и так понеслась, что он понял: «Это была еще не сверленная жемчужина, никем не объезженная кобылица». И он тут же «просверлил» ее желанное тело с такой силой, которую ранее никогда не применял к женщинам. Он вдруг почувствовал, что чем крепче он брал ее, чем сильнее давил ее своим разгоряченным, могучим телом, тем сильнее ее руки прижимали его к своему изголодавшемуся по любви телу, а губы шептали: «Милый! Где ты был все эти годы? Ну почему тебя не было так долго?!».

... Их «скачка» продолжалась почти до самого утра. Наконец они окончательно выбились из сил, рухнули на измятую постель и оба отключились...

... Он очнулся, глянул на окно. Там тонкими, серебряными нитями струился лунный свет. Лариса не спала. Она лежала рядом на спине, заложив руки за голову.

— Не спишь?

— Нет. Боюсь проснуться и узнать, что все это было только волшебным сном.

Он обнял ее за шею, притянул к себе. Она покорно положила голову на его грудь.

Он нежно целовал ее подрагивающие губы, пока не почувствовал упавшей на свой глаз ее слезинки.

— Мне кажется, что я никогда не уходил из этой квартиры, — тихо сказал Загорский.

— Так оно и есть. Ты же видел мои работы...

Эдуард Зайцев